
ИСТОРИЯ

Р. С. Колокольчикова

**СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАСЕЛЕНИЯ:
ПРЕСТУПНОСТЬ В ИНДУСТРИАЛЬНЫХ ГОРОДАХ
ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ
(сер. 1960-х — сер. 1980-х гг.)**

В статье речь идет о состоянии криминогенной обстановки в индустриальных городах Европейского Севера России. Выясняются тенденции в развитии некоторых видов преступлений в изучаемый период, анализируются имевшиеся на территории городов данной типологической группы факторы риска для неблагоприятной оперативной обстановки; усилия административных органов и общественности по профилактике и борьбе с преступностью; выясняется социокультурный облик преступников.

Ключевые слова: криминогенная обстановка, преступность, миграция, спецконтингент, пьянство, социокультурный облик, общественные пункты правопорядка, добровольные народные дружины.

R. Kolokolchikova

**SOCIAL PROBLEMS OF THE POPULATION: CRIMES IN THE INDUSTRIAL CITIES
OF THE EUROPEAN NORTH OF RUSSIA (mid. 1960s — mid. 1980s)**

The article deals with the criminal situation in the industrial cities of the European North of Russia. The tendencies in the development of some types of crimes are discussed, and an analysis is provided of risk factors for the crime situation of this typological group and the efforts of the administrative and public authorities in crime prevention and fighting. The social and cultural image of the criminals is also described.

Keywords: criminal situation, criminality, migration, special contingent, alcoholism, social and cultural image, public units, voluntary peoples guard.

Индустриальные города — это самая многочисленная типологическая группа городских поселений на Европейском Севере России. Начав формироваться в ходе индустриализации, эта группа городов получила мощный градостроительный им-

пульс в середине 1960-х — 1980-х гг. в связи с реализацией в регионе больших программ промышленного строительства общесоюзного значения. В итоге на территории региона произошли изменения в картине городского расселения: на карте появ-

---

вились новые города — Апатиты, Коряжма, Новодвинск, Костомукша. Кроме того, «новые» и «старые» индустриальные города региона имели самые высокие темпы роста численности населения преимущественно за счет механического прироста, наиболее высокие темпы жилищно-гражданского строительства, наиболее благоприятные демографические показатели по сравнению с городами других типологических групп. Постоянно увеличивалась доля градообразующих предприятий индустриальных городов в общем объеме промышленного производства областей региона. В то же время деформация функциональной структуры индустриальных городов, которые являлись монопрофильными, узконаправленными центрами, преобладание мигрантов в составе населения индустриальных городов, социальная, этническая и иная разнородность «новых» граждан, а также ряд других причин обусловили назревание и обострение проблем и противоречий в различных сферах городской жизни. Отчетливо обозначились ранее не столь очевидные проблемы неэффективности модели управления экономикой, ведомственного механизма, низкого качества городской среды. Особую остроту приобретали социальные проблемы, среди которых — неблагополучная криминогенная обстановка.

Научная литература, в которой объектом изучения является город, многочисленна и многообразна, но только в трудах последних десятилетий XX — начала XXI в. стали уделять внимание социальным проблемам городов [1; 2; 16; 17; 19; 20 и др.]. Однако сюжет, которому посвящена данная статья, специально не изучался.

Целью данной статьи является выяснение криминогенной обстановки в индустриальных городах Европейского Севера России, тенденций в развитии некоторых видов преступлений, анализ имевшихся в городах данной типологической группы факторов риска, связанных с преступно-

стью, усилий административных органов и общественности по профилактике правонарушений и борьбе с преступностью, выяснение социокультурного облика преступников.

Индустриальные города Европейского Севера России отличались от городских поселений другого типа неблагополучной криминогенной обстановкой. В разные годы изучаемого периода Министерством внутренних дел СССР некоторые из индустриальных городов региона относились к числу городов с особо сложной оперативной обстановкой. В г. Апатиты в конце 1960-х гг. количество преступлений на число жителей было самым высоким в Мурманской области [9, л. 33–34]. В 1970-е гг. оперативная обстановка в городе продолжала ухудшаться, и в 1978 г. Апатиты был назван в директиве Министерства внутренних дел СССР в числе городов с особо сложной оперативной обстановкой, где в расчете на 10 тыс. жителей было совершено 62,3 преступления [11, л. 32, 55]. На территории городов Мончегорска и Оленегорска в середине 1970-х гг. на 10 тыс. населения в возрасте от 14 лет и старше совершалось 52 преступления, в то время как в целом по Мурманской области — 46 преступлений [5, л. 46]. Значительно выше среднеобластных показателей в изучаемый период наблюдался уровень преступности в г. Череповце. В докладе председателя Череповецкого горисполкома на сессии депутатов в октябре 1974 г. сообщалось: «...уровень преступности в городе (Череповце. — *Р. К.*) значительно выше среднеобластного. На наш город, где проживает 16% населения области, приходится около 1/3 опасных преступлений. У нас совершается 35–40% всех краж имущества в области, 40–45% всех грабежей, каждое четвертое хулиганство» [22, л. 126]. В первой половине 1980-х гг. оперативная обстановка в Череповце только ухудшалась.

Повышенному уровню преступности в индустриальных городах региона способ-

ствовала бурная неуправляемая миграция трудовых ресурсов на их территорию. Так, население г. Апатиты за период с 1966 по 1977 г. увеличилось на 43 тыс. человек, из них 32 тыс. — мигрировали в город, а естественный прирост составил всего 11 тыс. человек [13, л. 73]. Ежегодная миграция в г. Череповце в изучаемый период росла, достигнув пика в 1979 г., когда в город в течение года приехали на постоянное место жительства 19 726 человек [14, с. 253–254].

В связи с большими миграционными потоками в индустриальных городах стал быстро распространяться такой вид жилища, как общежитие. В среднем в индустриальных городах региона 10–12% населения имели койко-места в общежитии. Подавляющее большинство мигрантов, прежде всего молодых, низкоквалифицированных рабочих, расселялись в ведомственных общежитиях, где приезжие по 2–3 человека в маленькой комнате в ожидании квартиры, как правило, в отсутствие семьи, проживали по 10–12 лет. Социальная неадаптированность новых горожан, разочарования, проблемы и трудности, с которыми сталкивались новоявленные горожане на новостройках северных городов, нередко выливались в девиантное поведение, за которым стоял маргинальный менталитет. Общежития и их население представляли собой определенный фактор риска для повышенной криминогенной обстановки: более 40% преступлений, происходивших в индустриальных городах региона, совершалось в общежитиях или проживающими в общежитиях [22, л. 130; 25, л. 42].

Помимо добровольных мигрантов, в индустриальные города Европейского Севера России направлялись «вынужденные» мигранты — условно досрочно освобожденные, условно осужденные, а также лица, отбывшие наказание в исправительно-трудовых колониях. Например, в г. Сегеже в 1979 г. на целлюлозно-бумажный комбинат было принято непосредственно после окончания срока наказания 39 человек, ра-

нее судимых — 350 человек [18, л. 252]. Начальник Череповецкого УВД полковник В. С. Игнаткин отмечал в марте 1980 г. на заседании бюро Череповецкого ГК КПСС: «В настоящее время в городе проживает по некоторым данным 20 тыс. человек, ранее судимых за различные преступления» (около 8% всего населения города. — *Р. К.*) [21, л. 18]. Только в 1979 г. в строительные организации г. Череповца прибыло 4962 человека спецконтингента — условно освобожденных и условно осужденных [14, с. 123]. Многие из осужденных, отправлявшихся на новостройки индустриальных городов региона, — это осужденные за особо тяжкие преступления, рецидивисты, до осуждения нигде не работавшие [14, с. 124]. Присутствие в индустриальных городах региона большого количества ранее судимых лиц, спецконтингента также дестабилизировало оперативную обстановку. Например, в г. Мончегорске во второй половине 1970-х гг. более 46% преступлений совершали ранее судимые [6, л. 17]. Уровень рецидивной преступности был в индустриальных городах очень высок, превышая среднеобластные показатели и составляя, например, в 1970-е гг. в Коряжме 50% от всех преступлений [4, л. 118; 3, л. 235]. Негативно влияло на оперативную обстановку присутствие на территории некоторых индустриальных городов лечебно-трудовых профилакториев (ЛТП), исправительно-трудовых колоний (ИТК). Так, за 9 месяцев 1969 г. контингентом ЛТП, созданного на базе бывшей психиатрической больницы г. Апатиты, было совершено 35 уголовных преступлений [9, л. 33–34].

Выгодно контрастировала оперативная обстановка на территории г. Костомукши не только по сравнению с другими индустриальными городами Европейского Севера России, но и по сравнению со среднереспубликанскими показателями преступности в Карелии, несмотря на то, что в городе, строившемся на «чистом месте», на на-

---

чальном этапе строительства более чем на 90% население формировалось за счет миграции, которая носила контролируемый характер [15, л. 107–108].

Высокому уровню преступности в индустриальных городах региона способствовал повышенный интерес горожан к потреблению спиртных напитков, постоянный рост потребления алкоголя на душу населения, распространение в индустриальных городах пьянства и алкоголизма. Потребление ликероводочных изделий на душу населения в индустриальных городах было выше среднеобластных и среднереспубликанских показателей. Например, в Череповце в 1978 г. потребление ликероводочных изделий на душу населения составляло 28,7 л, в Вологодской области — 15,6 л, а в РСФСР — 10,2 л [27, л. 16; 24, л. 103]. Подавляющее большинство уголовных преступлений совершалось лицами в состоянии алкогольного опьянения. Начальник управления внутренних дел Мурманского облисполкома отмечал в октябре 1976 г.: «Самой распространенной причиной совершения преступлений в г. Мончегорске является пьянство. В нетрезвом виде здесь совершалось 75% всех преступлений, тогда как в целом по области 63%» [5, л. 30].

Также распространенным видом преступлений в индустриальных городах региона было хулиганство, причем 90% таких преступлений совершалось в состоянии алкогольного опьянения [25, л. 42].

Каков же был социокультурный облик преступников? Обращает на себя внимание постоянное увеличение среди преступников удельного веса несовершеннолетних, молодежи. Например, в г. Апатиты в 1976 г. по сравнению с 1975 г. на 22,5% возросла преступность несовершеннолетних. Из 322 человек, привлеченных в г. Апатиты к уголовной ответственности за совершенные преступления, около 70% были в возрасте от 14 до 29 лет, каждый пятый не достиг совершеннолетия [11, л. 33], 74% совершивших преступления в Апатитах в 1968 г.,

имели образование 5–8 классов [10, л. 2]. Удельный вес не занятых общественно полезным трудом, тунеядцев и бродяг в структуре преступников был намного выше, чем в составе населения индустриальных городов. Так, в первом полугодии 1981 г. в г. Апатиты лицами, не занимающимися общественно полезным трудом, было совершено 70% грабежей, 33% — разбойных нападений, 35% — краж личного имущества граждан. Среди осужденных в Апатитах за злостные и особо злостные хулиганства тунеядцы и бродяги составляли 23%. От общего числа осужденных за первую половину 1981 г. 23% составляли лица, ранее не работавшие [12, л. 31–32]. За 9 месяцев 1976 г. в г. Мончегорске среди привлеченных к уголовной ответственности 19,3% составляли лица, нигде не работающие [5, л. 49].

Между тем в индустриальных городах Европейского Севера России осуществлялась большая работа по борьбе с преступностью. Направляли и координировали эту работу местные Советы народных депутатов, а непосредственно за состояние правопорядка, предупреждение и пресечение противоправных действий на территории городов несли ответственность городские отделы внутренних дел (ГОВД), которые выстраивали свою деятельность с учетом рекомендаций прокуратуры, народных судов, адвокатуры. Напряженная криминальная обстановка заставляла ГОВД реорганизовывать применительно к новым условиям быстро растущих городов традиционные милицейские службы, отдельные милицейские службы создавать заново, искать более эффективные формы и методы работы по профилактике правонарушений, охране правопорядка, раскрываемости преступлений. Большое внимание в индустриальных городах уделялось укреплению службы участковых инспекторов; по мере роста численности населения городов увеличивалось количество милицейских участков, совершенствовалась их дислокация.

Быстро развивалась патрульная служба, вследствие того, что во второй половине 1960-х — середине 1970-х гг. более 50% преступлений совершалось на улицах городов, преимущественно в ночное и вечернее время. Помимо постовых милиционеров, улицы стали патрулировать подвижные милицейские группы, автопатрули, мотопатрули. Милиция стала переходить на двухсменный график работы. Новыми подразделениями милиции стали служба профилактики преступлений, появившаяся во многих индустриальных городах, ночная милиция для охраны объектов с материальными ценностями, городские спецкоманды.

Одновременно происходили изменения в личном составе ГОВД: увеличивались штаты, повышался общеобразовательный и профессиональный уровень личного состава, который стремился совершенствовать свою служебно-оперативную подготовку. В г. Череповце, например, только за три года — с 1972 по 1974 — личный состав ГОВД увеличился более чем на 20% [22, л. 124]. Иногда увеличение штатов милиции являлось прямым ответом на ухудшение оперативной обстановки в городе. Так, в ответ на рост преступности в г. Мончегорске и в его городской зоне в конце 1970-х гг. стали наращиваться контингенты милиции. На сессии депутатов Мончегорского горсовета в марте 1981 г. заместитель начальника ГОВД Мончегорска отмечал: «На 10 тыс. населения в Мончегорске и Оленегорске милиции больше, чем в любом другом населенном пункте нашей области» [7, л. 18]. Резко увеличивались контингенты милиции в индустриальных городах региона за счет командированных милиционеров из других городов Европейского Севера России — в основном для патрулирования улиц накануне сдачи в эксплуатацию крупных народно-хозяйственных объектов, когда возрастали на территории городов миграционные потоки и, как следствие, осложнялась оперативная

обстановка. Изменения, происходившие в структуре ГОВД, в количественном и качественном составе милиции, влияли на показатели раскрываемости преступлений, которые, впрочем, не являясь величиной постоянной, колебались в разные годы от 65 до 95% зарегистрированных преступлений [22, л. 124].

Важную роль в борьбе с преступностью в индустриальных городах региона играли общественные формирования, создаваемые при исполкомах горсоветов, в трудовых коллективах, по месту жительства горожан. Это постоянные комиссии при исполкомах горсоветов по охране правопорядка и социалистической законности, по делам несовершеннолетних, наблюдательные комиссии за социалистической законностью, товарищеские суды, комиссии по борьбе с пьянством и алкоголизмом, добровольные народные дружины (ДНД), комсомольские оперативные отряды, опорные пункты правопорядка (ОПП) по месту жительства. Самодеятельные общественные формирования по охране правопорядка функционировали в тесном контакте с отделами внутренних дел горисполкомов.

Новой формой самодеятельных организаций по профилактике правонарушений в жилых микрорайонах городов стали ОПП, создававшиеся с середины 1970-х гг. в индустриальных городах Архангельской, Вологодской, Мурманской областей, в Карелии по опыту Ленинграда. Базовые предприятия предоставляли ОПП помещения, оборудование. В Советы профилактики, возглавлявшие ОПП, входили, как правило, участковые инспекторы, инспекторы по делам несовершеннолетних, партийные и хозяйственные руководители базовых предприятий, представители общественности. На ОПП создавались картотеки учета лиц, склонных к правонарушениям, для осуществления индивидуальной воспитательной работы с такими людьми по месту жительства; организовывался прием граждан участковым инспектором и инспекто-

ром по делам несовершеннолетних; регистрировались заявления и жалобы населения, что облегчало работу дежурных частей ГОВД. В конце 1970-х гг. при каждом ОПП Череповца (а их насчитывалось в то время десять) были созданы на общественных началах детские комнаты, актив которых под руководством штатных инспекторов по делам несовершеннолетних проводил большую индивидуальную работу среди трудных подростков [24, л. 128; 22, л. 119; 23, л. 159]. ОПП, аккумулируя усилия милиции и общественности по профилактике правонарушений, удавалось быть центрами работы по охране правопорядка в микрорайонах городов, пользоваться доверием и уважением горожан.

Совместные усилия местных Советов, административных органов, общественности по профилактике правонарушений, борьбе с преступностью позволяли в целом контролировать оперативную обстановку в индустриальных городах Европейского Севера России. Устойчивый характер имела тенденция, обозначившаяся с конца 1970-х — начала 1980-х гг., по сокращению уличной преступности в индустриальных городах, что являлось следствием больших изменений, происходивших в развитии постовой и патрульной служб, их материально-технического обеспечения, а также большой работы по патрулированию городских улиц общественными формированиями — ДНД, комсомольскими оперативными отрядами, активом ОПП. Например, в г. Мончегорске постовая служба была создана в конце 1980 г. Благодаря этому, а также деятельности общественных формирований уличная преступность в Мончегорске, в Оленегорске стала снижаться, и в 1984 г. по сравнению с 1981 г. снизилась на 32% [8, л. 32]. В индустриальных городах региона снижались показатели особо тяжких преступлений, количество преступлений на 10 тыс. жителей.

Однако чаще сокращение тех или иных видов преступлений, наблюдавшееся в ин-

дустриальных городах региона, в основном имело кратковременный, промежуточный характер на фоне постоянного увеличения общего количества преступлений. Например, в г. Мончегорске в 1984 г. по сравнению с 1981 г. умышленные убийства сократились в два раза, тяжкие преступления — на 40%, однако общая преступность увеличилась на 39%, а по линии уголовного розыска — на 20% [8, л. 32–33]. Рост общего количества преступлений в индустриальных городах региона с начала 1980-х гг. складывался в основном за счет резкого увеличения краж, хищений государственной собственности, личного имущества. Эти виды преступлений в Череповце, например, увеличились в 1983 г. по сравнению с 1982 г. в два раза [25, л. 42]. А в 1985 г. в Череповце по сравнению с 1984 г. кражи госимущества возросли на 25,3%, в два раза увеличились мелкие хищения [26, л. 28]. В Мончегорске в 1984 г. по сравнению с 1981 г. рост преступлений по линии уголовного розыска на 20% произошел только за счет краж личного и государственного имущества, а количество преступлений по линии ОБХСС в 1984 г. по сравнению с 1981 г. увеличилось на 35% [8, л. 33, 40]. Несмотря на проведение механизации учетно-бухгалтерских операций, укрепление охраны объектов народного хозяйства, паспортизацию охранных объектов, имеющих материальные ценности, другие меры, направленные на укрепление сохранности социалистической собственности, многочисленные факты бесхозяйственности в учете, хранении, использовании, реализации материальных ценностей провоцировали их хищения. Только в 1982 г., по данным Череповецкого ГОВД, за хищения государственной и общественной собственности привлекли к ответственности 161 человека за нанесенный ущерб государству в размере 94 тыс. руб. [25, л. 48].

Анализ хищений собственности показывает, что около 40% таких преступлений совершалось путем злоупотребления слу-

жебным положением. Причем расхитители собственности не всегда вызвали общественное осуждение. Например, начальник цеха водоснабжения и канализации Азотно-тукового завода в Череповце растратил и похитил спирт на сумму 1775 руб. и был привлечен к ответственности в 1985 г. Трудовой коллектив, вместо того, чтобы направить в суд общественного обвинителя, встал на защиту расхитителя и выдвинул общественного защитника [25, л. 48]. Распространение имущественных преступлений, особенно краж и хищений государственной и общественной собственности, равнодушие горожан к такого рода преступлениям, а нередко и сочувствие к «несунам» и расхитителям социалистической собственности, во многом являлись проявлением кризиса социалистических общественных ценностей, характерного для последнего десятилетия изучаемого периода, усиливающегося отчуждения трудящихся от средств производства.

Снижала эффективность усилий ГОВД и общественности по борьбе с преступностью в индустриальных городах низкая раскрываемость преступлений. Так, в 1981 г. в г. Мончегорске, несмотря на то, что на 10 тыс. населения количество милиции здесь было самое большое, раскрываемость преступлений была низкая, а по числу нераскрытых краж (раскрывалось только 75%) Мончегорск занимал последнее место в Мурманской области [7, л. 18–19]. Все это свидетельствовало о том, что увеличение численности штатов ГОВД не сопровождалось качественной профессиональной подготовкой сотрудников милиции. На низкую квалификацию милицейских кад-

ров как одну из главных причин низкой раскрываемости уголовных преступлений неоднократно обращали внимание руководители ГОВД, сессии депутатов местных Советов [24, л. 100].

Итак, индустриальные города Европейского Севера России отличались повышенной криминогенной активностью населения, которая обуславливалась присутствием на территории индустриальных городов целого комплекса факторов риска, определявшихся как спецификой социокультурного облика населения индустриальных городов, условиями жизни новоявленных горожан, так и явлениями и тенденциями, характерными для советского общества в целом, особенно для конца 1970-х — середины 1980-х годов.

Усилиями местных властей, ГОВД, общественности, накопивших большой опыт по профилактике правонарушений и борьбе с преступностью в изучаемый период, в целом удавалось сдерживать преступность, контролировать оперативную обстановку, добиваться устойчивых успехов в борьбе с уличной преступностью, с отдельными видами преступлений, снижения показателей преступности на 10 тыс. жителей города. Однако оперативная обстановка в индустриальных городах продолжала оставаться сложной, сопровождалась ростом общего количества преступлений, особенно имущественного характера, что объяснялось сохранением на территории индустриальных городов до конца изучаемого периода факторов риска для правонарушений, а также отставанием от темпов количественного роста милицейских штатов их профессиональной подготовки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агеева Е. Ю. Город как социокультурное образование: Монография. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского государственного университета, 2004. 212 с.
2. Алисов Д. А. Административные центры Западной Сибири: городская среда и социокультурное развитие (1870–1914): Монография. Омск: ОмГУ, 2006. 337 с.
3. Архивный отдел г. Коряжма. Ф. 1. Оп. 1. Д. 80.
4. Архивный отдел г. Коряжма. Ф. 1. Оп. 1. Д. 167.

5. Государственный архив Мурманской области в г. Кировске (ГАМО в г. Кировске). Ф. 301. Оп. 6. Д. 600.
6. ГАМО в г. Кировске. Ф. 301. Оп. 6. Д. 741.
7. ГАМО в г. Кировске. Ф. 301. Оп. 6. Д. 932.
8. ГАМО в г. Кировске. Ф. 301. Оп. 6. Д. 1175.
9. ГАМО в г. Кировске. Ф. 329. Оп. 1. Д. 110.
10. ГАМО в г. Кировске. Ф. 329. Оп. 1. Д. 112.
11. ГАМО в г. Кировске. Ф. 329. Оп. 1. Д. 654.
12. ГАМО в г. Кировске. Ф. 329. Оп. 1. Д. 925.
13. ГАМО в г. Кировске. Ф. 331. Оп. 1. Д. 160.
14. *Колокольчикова Р. С.* Череповец как феномен индустриального города (сер. 1960-х — сер. 1980-х гг.). Череповец: Череповецкий государственный университет, 2009. 275 с.
15. Костомукшский муниципальный архив. Ф. 3. Оп. 1. Д. 83.
16. *Костюрина Н. Ю.* Новый город как модель советской культуры. Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 2005. 189 с.
17. *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX века). Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 548 с.
18. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 442. Оп. 1. Д. 5884.
19. *Сенявский А. С.* Урбанизация России в XX веке: роль в историческом процессе. М.: Наука, 2003. 286 с.
20. Урбанизация и развитие городов в СССР / Отв. ред. И. И. Сигов. Л.: Наука, 1985. 256 с.
21. Череповецкий центр хранения документации (ЧЦХД). Ф. 7. Оп. 1. Д. 915.
22. ЧЦХД. Ф. 7. Оп. (11) 1. Д. (443) 167.
23. ЧЦХД. Ф. 7. Оп. (11) 1. Д. (525) 173.
24. ЧЦХД. Ф. 7. Оп. (11) 1. Д. (730) 185.
25. ЧЦХД. Ф. 7. Оп. (11) 1. Д. (1041) 244.
26. ЧЦХД. Ф. 7. Оп. (11) 1. Д. (1202) 313.
27. ЧЦХД. Ф. 7. Оп. 11. Д. 917.

REFERENCES

1. *Ageeva E. Ju.* Gorod kak sotsiokul'turnoe obrazovanie: Monografija. N. Novgorod: Izd-vo Nizhegorodskogo gosuniversiteta, 2004. 212 s.
2. *Alisov D. A.* Administrativnye tsentry Zapadnoj Sibiri: gorodskaja sreda i sociokul'turnoe razvitie (1870–1914): Monografija. Omsk: OmGU, 2006. 337 s.
3. Arhivnyj otdel g. Korjazhma. F. 1. Op. 1. D. 80.
4. Arhivnyj otdel g. Korjazhma. F. 1. Op. 1. D. 167.
5. Gosudarstvennyj arhiv Murmanskoy oblasti v g. Kirovske (GAMO v g. Kirovske). F. 301. Op. 6. D. 600.
6. GAMO v g. Kirovske. F. 301. Op. 6. D. 741.
7. GAMO v g. Kirovske. F. 301. Op. 6. D. 932.
8. GAMO v g. Kirovske. F. 301. Op. 6. D. 1175.
9. GAMO v g. Kirovske. F. 329. Op. 1. D. 110.
10. GAMO v g. Kirovske. F. 329. Op. 1. D. 112.
11. GAMO v g. Kirovske. F. 329. Op. 1. D. 654.
12. GAMO v g. Kirovske. F. 329. Op. 1. D. 925.
13. GAMO v g. Kirovske. F. 331. Op. 1. D. 160.
14. *Kolokol'chikova R. S.* Cherepovets kak fenomen industrial'nogo goroda (ser. 1960-h — ser. 1980-h gg.). Cherepovec.: Cherepovetskij gosudarstvennyj universitet? 2009. 275 s.
15. Kostomukshskij munitsipal'nyj arhiv. F. 3. Op. 1. D. 83.
16. *Kostjurina N. Ju.* Novyj gorod kak model' sovetskoj kul'tury. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevostochnogo universiteta, 2005. 189 s.
17. *Mironov B. N.* Sotsial'naja istorija Rossii perioda imperii (XVIII — nachalo XX veka). T. 1. SPb.: Dmitrij Bulanin, 2003. 548 s.
18. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv ekonomiki (RGAJE). F. 442. Op. 1. D. 5884.

-
19. *Senjavskij A. S. Urbanizatsija Rossii v XX veke: rol' v istoricheskom protsesse. M.: Nauka, 2003. 286 s.*
  20. *Urbanizatsija i razvitie gorodov v SSSR / Otv. red. I. I. Sigov. L.: Nauka, 1985. 256 s.*
  21. *Cherepoveckij centr hranenija dokumentacii (CHCHD). F. 7. Op. 1. D. 915.*
  22. *CHTsHD. F. 7. Op. (11) 1. D. (443) 167.*
  23. *CHTsHD. F. 7. Op. (11) 1. D. (525) 173.*
  24. *CHTsHD. F. 7. Op. (11) 1. D. (730) 185.*
  25. *CHTsHD. F. 7. Op. (11) 1. D. (1041) 244.*
  26. *CHTsHD. F. 7. Op. (11) 1. D. (1202) 313.*
  27. *CHTsHD. F. 7. Op. 11. D. 917.*

A. И. Яковлев

ИЗМЕНЕНИЕ ПОЛОЖЕНИЯ КАЗАЧЕСТВА В ГОРОДСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ЯКУТСКА

Социально-экономические условия жизни казачества в г. Якутске изменяются со временем. Функции казачества в Якутске — караульная служба, охрана правопорядка, почтовая служба, полицейский надзор и их значимость для города — меняются со временем. Об этом свидетельствуют изменения в численном составе, денежном довольствии. Вследствие этих изменений социальная значимость казачества в жизни города снижается.

Ключевые слова: городская повседневность, казачество, сословия, социально-экономические данные, гендерные показатели, история г. Якутска.

A. Yakovlev

THE TRANSFORMATION OF COSSACKS STATE IN THE CITY OF YAKUTSK EVERYDAY LIFE

Social and economic conditions of Yakutsk city are changing in course of time. Cossacks related functions in Yakutsk city are also changing, these functions include guarding duties, control of law and orders, postal service, police supervision. Due to these changes, the social and economic significance of Cossacks in the city life is decreasing

Keywords: city everyday life, Cossacks, social and economic data, gender indicators, the history of Yakutsk.

В условиях современного развития общества одним из актуальных направлений становится история повседневности. Якутск с его богатой историей, географическим, социально-экономическим положением, культурным влиянием на города Якутии не может быть не замечен исследователями повседневности. Социально-экономический компонент повседневной жизни является основным показателем, который раскрывает всю полноту картины быденной жизни людей.

Казачество является особым сословием в северных городах Восточной Сибири и Дальнего Востока, так как оно основало в большинстве своем города, иногда даже составляя единственное русское население городов. В Якутске казачество имеет достаточно большое значение — именно казачество стало катализатором в окончательном оформлении и становлении государственности в Якутии, однако оно не имеет такого сосредоточения в городах, селах, чтобы говорить о наличии какой-то мас-